

СРЕДА БЕЗОПАСНОСТИ 21 ВЕКА И КОНТУРЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ США

*Рачья Арзуманян**

Предлагаемая президентом американского Совета по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*) Ричардом Хаасом (*Richard N. Haass*) доктрина восстановления сосредотачивается на финансовых и социально-экономических проблемах США, акцентируя внимание не только на необходимости более четких действий на внешнеполитической арене, но и эффективных шагах внутри американского общества. Доктрина восстановления уже вызвала дискуссии, участники которой подчеркивают, что предлагаемый подход к внешней политике не в состоянии обеспечить национальную безопасность и процветание США в долгосрочной перспективе и не соответствует реалиям XXI века. Ряд исследователей, занимающихся проблемами *гранд стратегии*, отмечают, что внешнеполитическая доктрина не должна быть чересчур зависимой от внутривнутриполитического контекста, восприниматься как способ получения преимуществ и продвижения позиций во внутренней политике. Внешнеполитическая активность и внешняя политика США диктуются геополитическим контекстом. Опираясь на классические геополитические доктрины и теории, Запад разрабатывает новые проекты, призванные сформулировать геостратегические цели США и ЕС в Евразии. В складывающихся условиях отдельными и критически важными проблемами, требующими отдельного дискурса, становятся Кавказ, политика и стратегия армянских государств при возможных изменениях геополитического ландшафта.

*Кандидат технических наук.

Внешнеполитическая доктрина США новой эпохи

В статье «Проводить нашу внешнюю политику дома» [1] президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас изложил видение внешнеполитической доктрины США силами, которые представляет данная организация. Автор несколькими штрихами обрисовывает складывающийся глобальный контекст текущей эпохи, в которой уже невозможно говорить о явном доминировании той или иной сверхдержавы. На международной арене присутствуют десятки государств, осуществляющих внешнюю политику на основе мощи, которая может быть военной, экономической, дипломатической или культурной по своей природе. Мировой порядок, распределение глобальной мощи в новую эпоху не имеет ничего общего с двухполюсным миром Холодной войны или девяностыми годами XX века, когда в мире существовала только одна сверхдержава: «Мощь в современном мире – рассеяна, многообразна, не концентрирована, находится во многих руках и многих местах».

Основные угрозы миру и процветанию в новую эпоху оказываются связаны не с доминированием той или иной сверхдержавы. Более того, само понятие «сверхдержава» становится другим. Если ранее термин предполагал наличие у актора всего набора инструментов национальной мощи, при помощи которого осуществляется глобальное проецирование мощи, то сверхдержавы новой эпохи «однобоки». Россия имеет по большей части одномерную сырьевую экономику и сталкивается с серьезными проблемами, связанными с коррупцией и ухудшающейся демографической картиной. Мощь Китая ограничивается большим и стареющим населением и ожидаемыми большими социальными затратами. Дисбаланс и перегруженность в верхних звеньях политической системы, которая не так динамична, как экономика, также приводят к напряженности и чреватые серьезными проблемами. Индия сталкивается с проблемами большого населения и бедности, которые усиливаются неадекватной инфраструктурой, а также поведением «склеротичного правительства». Европа пропускает чувствительные удары, являющиеся следствием присутствия в рамках ЕС множества государств со своей культурой, проводящих самостоятельную политику. Обязательства строить Европейский Союз, с одной стороны, и национализм – с другой, создают напряжение и проблемы, на которые Европа пока не нашла адекватного от-

клика. Япония обременена стареющим обществом, анахроничным политическим процессом. Бразилия и ряд других стран находятся на пороге превращения в глобальную силу, но пока что не являются таковыми.

Обладающие глобальной мощью страны не всегда согласны с проводимой США политикой. Однако они не видят в Америке непримиримого противника или непреодолимую преграду для реализации своих национальных интересов, что позволяет США иметь хорошие или достаточно хорошие отношения со всеми. В этих условиях наибольшие угрозы для США оказываются связаны с «темной стороной глобализации» – распространением ядерных материалов и оружия массового поражения (ОМП), пандемиями, изменениями климата, сбоями в функционировании мировой финансовой и торговой систем и пр. Также вызывают беспокойство действия враждебных государств среднего размера (Иран и Северная Корея), имеющих доступ к оружию массового поражения, а также слабые государства, такие как Пакистан, Сомали, Йемен, которые не могут или не желают осуществлять контроль над своей территории с целью воспрепятствовать деятельности террористических групп, наркокартелей, пиратов и пр.

Какой могла бы быть внешняя политика США в новых условиях? Только «продвижения демократии, гуманитаризма (*humanitarianism*) и контртерроризма» недостаточно. Продвижение демократии зачастую затрудняется противодействием авторитарных режимов, которые видят в ней угрозу. Кроме того, выявилась другая сложная проблема, связанная с заменой авторитарной системы управления на демократическую, которая хорошо видна на примере Ирака и Афганистана. Созданные демократические институты оказываются слабыми, незрелыми и непрозрачными для общества, когда обеспечение оккупационного режима и национально-государственное строительство (*nation building*) становятся чересчур затратными и неэффективными. Политика гуманитаризма также требует огромной ресурсной поддержки в условиях, когда экономические и военные возможности США ограничены. Контртеррористические операции и активность чересчур узки по размаху и не в состоянии сформировать отклик на множество глобальных вызовов среды безопасности. «Наилучшим выходом из складывающегося тупика является интеграция, имеющая целью развивать нормы и институты управле-

ния международными отношениями и убеждение других великих держав следовать данным нормам». Однако интеграционные процессы сегодня замедлились или даже застыли. «Интеграция – хорошая идея, время которой еще придет», однако сегодня она не может быть фреймом, на основе которого могла быть выстроена американская внешняя политика.

Целью новой внешнеполитической доктрины США должно стать сбалансирование имеющихся ресурсов в пользу внутренних вызовов, с которыми сталкивается американское общество. Вызовы международной арены должны быть признаны вторичными. Фокусирование внимания и ресурсов на критических внутренних нуждах позволит перестроить фундамент силы и мощи страны и с лучших позиций сформировать отклик на появившиеся на горизонте или потенциальные стратегические вызовы и угрозы, которые будут бросаться США в новую эпоху. «Мой термин для такой доктрины – *восстановление (restoration)*¹: внешняя политика США должна базироваться на восстановлении силы страны и пополнения ее ресурсов – экономических, человеческих и материальных».

Восстановление – это не изоляционизм. Изоляционизм предполагает уход от мировых проблем, если даже интересы США требуют вовлечения. Политика изоляционизма не позволяет сформировать отклик на вызовы глобального мира, такие как терроризм, распространение ОМП, протекционизм, пандемии, изменения климата, потери доступа к финансовым, энергетическим и минеральным ресурсам и пр. «Падение в объятия изоляционизма ускорит появление более дезорганизованного и опасного и менее процветающего и свободного мира». Доктрина восстановления предполагает проведение США активной внешней политики и формирование отклика на возникающие на международной арене угрозы. При этом ограничивается число «войн выбора», проводимых для защиты интересов страны, которые, тем не менее, не являются жизненными, и у нации есть выбор – проводить ее или ограничиться проведением альтернативной политики. Также признается, что могут иметь место и «войны необходимости», затрагивающие жизненные интересы США, когда использование военной силы безальтернативно.

¹ Выделено в оригинале. – *Прим. авт.*

Принятие доктрины восстановления приведет к быстрому выводу американских войск из Афганистана. Интересы США не могут оправдать инвестиции размером два миллиарда долларов в неделю, даже если предпринимаемые усилия окажутся успешными, что представляется маловероятным, учитывая слабость центрального правительства Афганистана и существование лагерей движения «Талибан» на территории Пакистана. «Целью должно стать уменьшение количества войск ниже 25000 в следующем году и завершение боевых операций против «Талибана». Вместо этого, политика США должна сосредоточиться на контртеррористических операциях, обучении кадров и институте советников».

В рамках доктрины восстановления США должны ограничить свою активность в Ливии и обходить какие-либо новые гуманитарные интервенции, за исключением тех случаев, когда невмешательство несет с собой большую угрозу, альтернативная политика и политические шаги признаются неадекватными, имеется прочное международное участие в миссии и большая вероятность успеха при ограниченной цене. «В случае ядерной программы Ирана США должны использовать или поддержать использование вооруженной силы только тогда, когда будет определено, что: военные удары могут разрушить большую часть соответствующих возможностей Ирана; применение силы не понизит шансы значимых политических изменений внутри Ирана; цена возможного ответного удара Ирана окажется приемлемой; ядерный Иран не может успешно сдерживаться; и стремление других нарушить режим нераспространения станет неуправляемым».

Президент Обама заявил о своей поддержке доктрины восстановления 22 июня, анонсировав начало сокращения войск в Афганистане, хотя чересчур медленный вывод и решение о военном вмешательстве в Ливию несовместимы с ней. Доктрина восстановления акцентирует внимание не только на необходимости более четких действий на внешнеполитической арене, но и эффективных шагах внутри американского общества. Основной фокус доктрины сосредотачивается на восстановлении фискальных основ американской мощи. При этом снижение бюджетных затрат должны быть умным (*smart*), когда внутреннее потребление и инвестиции сосредотачиваются на человеческом и физическом потенциале и поддерживают конкурентоспо-

способность США. Это предполагает целенаправленные затраты: на образование; модернизацию транспортной и энергетической инфраструктур; повышение эффективности энергозатрат и понижение зависимости от нефти Ближнего Востока. Бюджетные сокращения должны сфокусироваться на выплачиваемых субсидиях и сфере обороны, а в дальнейшем с расходами, связанными с уплатой таких налогов, как план медицинского обслуживания, налоги по ипотеке.

Принятие доктрины восстановления позволит США в течение нескольких лет укрепить экономические основы своей мощи. Она также позволит США через личный пример вернуть свои позиции лидерства. Важнейшей частью внешней политики страны, ее сила, связаны со способностью продемонстрировать успешность экономической и политической систем своего общества. «Обе сегодня лишены блеска. Реальность, которая делает для других стран менее желаемым адаптацию и использование открытой экономической и политической моделей в пользу более статических систем».

Доктрина восстановления учитывает характер новой эпохи, внутренние и международные реалии, оставляя при этом возможности для продвижения демократии, гуманизма, осуществления контртеррористической борьбы, когда возникает жесткая необходимость или имеются необходимые предпосылки и возможности для такой активности. «Одной из многих достоинств доктрины восстановления является то, что она улучшает шансы в один из дней обеспечить выполнение доктрины интеграции, – подход, который продолжает оставаться наиболее привлекательным для мира, где доминируют глобальные вызовы. Однако США будут в состоянии быть лидерами мира, если, в первую очередь, приведут в порядок собственный дом».

Критический анализ доктрины

Предлагаемая Ричардом Хаасом внешнеполитическая доктрина, которую можно рассматривать как отклик сил, поддерживающих и направляющих процессы глобализации, на системные проблемы в финансовой и экономической сферах, уже вызвала дискуссии. Сосредотачиваясь на сокращении внешних расходов, доктрина остается в рамках той же логики и подхода к обществу и экономике, которая привела к образованию нынешних проблем. В част-

ности, предлагается увеличить затраты на инфраструктурные и социальные проекты, эффективность которых уже вызывает вопросы. Например, инвестиции в сферу образования в предыдущие десятилетия привели к неоправданному многократному росту ее стоимости. Ставшая бестселлером книга Эндрю Фергюсона (*Andrew Ferguson*), спичрайтера Джоржа Буша-старшего, редактора и колумниста, рассматривает проблемы высшего образования США [2]. Пытаясь выбрать колледж для своего сына, автор с удивлением для себя обнаружил, что не в состоянии понять, чему и как сегодня учат в американских колледжах, каков уровень знаний выпускников. Система высшего образования США стала неповоротливой и неоправданно дорогой.

Необходимость сокращать военные расходы не вызывает сомнений, однако это тоже не столь однозначный процесс. Дональд Рамсфельд в статье «Риски глубоких сокращений в сфере обороны» [3] предупреждает, что в истории США вслед за окончанием военных кампаний всегда происходило сокращение военного бюджета и затрат на сферу национальной безопасности. Американское общество становилось жертвой комфортабельной фикции. В результате США раз за разом оказывались в ситуации, когда с трудом и большими затратами приходилось восстанавливать обороноспособность страны при столкновении с новыми угрозами. Те статьи расходов военного бюджета, которые действительно могли бы быть сокращены, имеют большую социальную нагрузку и не могут быть реализованы на фоне развернувшейся президентской гонки. Критически важное различие между предыдущими эпохами и нынешней связано с тем, что в среде безопасности XXI века возможности США делать ошибки резко сокращаются, так как времени на восстановление разрушенного потенциала может и не быть.

Критику новой доктрины можно найти и на страницах журнала *Foreign Policy* [4]. Предлагаемый подход к внешней политике не в состоянии обеспечить национальную безопасность и процветание США в долгосрочной перспективе. Предлагаемое различие внешних и внутренних проблем является во многом искусственным, так как обе сферы тесно взаимосвязаны. Сосредоточение на внутренних проблемах США и достижение прямых эффектов за счет игнорирования не прямых, разворачивающихся на международной арене, не соответствует реалиям XXI века. Экономическое процвета-

ние и национальная безопасность США опираются на процессы глобализации и не могут быть обеспечены в изоляции. США не могут позволить себе последовательный подход к миру, предлагаемый в доктрине, когда на первом этапе формируются отклики на внутренние вызовы, а затем внешние. В доктрине предлагается вывести соблюдение права человека, продвижение демократии и свободных рынков за сферу жизненных интересов США, однако такое мышление является близоруким. Успешная внешняя политика не может сосредотачиваться на текущих угрозах, но должна расширять пространство возможностей для американских интересов и нейтрализовать угрозы до того, как они становятся проявленными и прямыми. С данной точки зрения, продвижения демократии и прочих традиционных направлений американской внешней политики способствует созданию более благоприятного международного контекста для всего диапазона американских интересов. Чтобы получить шанс на восстановление экономической мощи США, необходимо понять ее источники. Готовность к умному лидерству на международной арене и глобальной ответственности, скорее к оформлению, нежели пассивному принятию международного порядка, создает условия для экономического процветания США. Сосредоточение только на внутренних проблемах и вызовах нанесет ущерб не только миру, но и США, которая стала великой державой, ставя и решая великие задачи. Бюджетными и финансовые проблемы США не могут быть решены за счет сворачивания амбиций на мировой арене.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами *гранд стратегии*, отмечает, что внешнеполитическая доктрина не должна быть чересчур зависимой от внутривнутриполитического контекста. Устойчивая внешняя политика и гранд стратегия страны не может быть зависима от внутренней политики, равно как и гранд стратегия не должна восприниматься как способ получения преимуществ и продвижения позиций во внутренней политике. Например, доктрина сдерживания Дж.Кеннана, вокруг которой выстраивалась эпоха холодной войны, не содержала внутривнутриполитической компоненты. Стремление добиться экономического процветания может провозглашаться целью различных политических сил США, элита которой остается плюралистичной и многовекторной. Каждая из партий, стремящаяся прийти во

власть, будет провозглашать приверженность таким целям, как экономическое процветание, имея свой взгляд и свое видение путей его достижения. Такое состояние дел не есть что-то экстраординарное, но естественное состояние дел для государства, являющегося республикой.

Также следует быть осторожными с применением таких терминов как «национально-государственное строительство». Он применяется для описания процесса становления новой национальной идентичности и государства, в том числе через применение силы, других жестких элементов национальной мощи и, чаще всего, в условиях конфликта и постконфликтного урегулирования. Национально-государственное строительство не тот термин, при помощи которого можно описывать процесс инвестиций в образование и социальные программы.

Да, гранд стратегия включает цели, способы и средства (*ends, ways and means*), но она не подразумевает их смешение, результатом которого становится хаос и беспорядок. Совмещение тех или иных подходов к внутренней политике с «национальными интересами» является неразумным. Внутренняя политика может меняться каждые несколько лет в зависимости от того, какая группа в политической элите страны приходит к власти. Внешняя политика и внешнеполитическая доктрина не могут быть столь лабильными. Такое поведение приводит к эрозии стратегического мышления и позволяет полисимейкерам оформлять и вписывать свои внутривнутриполитические предпочтения в тему национальных интересов, обвиняя оппонентов в нанесении ущерба национальной безопасности страны.

Геополитический контекст Евразии

Констатация в доктрине ошибочности ввода в Афганистан дополнительного контингента входит в противоречие с военной наукой. История войн и конфликтов недвусмысленно показывает, что для контроля 1000 человек населения во время проведения иррегулярных операций требуется приблизительно 20 человек личного состава сил безопасности. Причем тактическая выучка и применяемые военные технологии в данном случае не очень важны [5]. Кампания в Афганистане с данной точки зрения не выдерживает критики, вынуждая говорить не в терминах военной кампании, но геополитического противоборства, начало и конец которого диктуется геополитическим контекстом и борьбой в Евразии.

То, что решающей и определяющей для Евразии остается геополитическая арена, говорится и в недавно вышедшей книге Александроса Петерсена (*Alexandros Petersen*) «Мировой остров: евразийская геополитика и судьба Запада» [6]. Книга была поддержана такими влиятельными политиками, как Лайем Фокс (*Liam Fox*), министр обороны Великобритании, Джон Хиллен (*John Hillen*), помощник Госсекретаря США по военно-политическим вопросам с 2005 по 2007гг., которые высказали свое мнение о ней на ее обложке.

Автор строит свой дискурс на классических геополитических текстах Хэлфорда Макиндера, термин «Мировой остров» которого используется в названии книги, доктрине «Прометеизма» (*Prometheism*) Юзефа Пилсудского и стратегии сдерживания Джоржа Кеннана. Результатом становится формулирование геостратегических целей Запада в Евразии на фоне возрастающей мощи Китая и потери Россией своего влияния. США и ЕС должны обеспечить свою гегемонию в Евразии или, как минимум, баланс сил, позволяющий обеспечить интересы Запада. Это фокусная точка, в которой сходятся теории Макиндера, Кеннана и Пилсудского. Теория Макиндера оформляет геополитическое пространство Евразии от Восточной Европы до Тихого океана, в котором разворачивается противоборство. Доктрину Кеннана можно рассматривать в качестве щита, при помощи которого Запад защищается от потенциальной агрессии других геополитических центров силы. Доктрина Пилсудского, призванная воспрепятствовать доминированию геополитических центров силы в Евразии над малыми народами и государствами, это меч, при помощи которого должно рассекаться единое евразийское пространство.

Петерсен приходит к устойчивой внешней политике, базирующейся на трех этапах: «независимость», «интеграция» и «институты» (*institutions*). На первом этапе ЕС и США должны обеспечить независимость малых стран, тем самым препятствуя созданию другими геополитическими центрами закрытых сфер влияния. На втором этапе решается задача создания резервов и коммуникационной инфраструктуры через поддержку и развитие таких проектов как современный шелковый путь и Северная распределительная сеть (*Northern Distribution Network*). Также должны поддерживаться более скромные, но не менее важные проекты, такие как Набукко, связывающие

евразийские страны через преимущественно западные или собственные проекты. Третий этап включает обновление и расширение институтов, которые могли бы обеспечить и поддержать новый этап геополитического противоборства. Речь, в первую очередь, идет о НАТО и ЕС.

Критически важным, с точки зрения Петерсена, является создание современной версии доктрины *Междуморья*, или Интермариума (*Intermarium*), которая активно развивается в последнее время. Достаточно сослаться на серию докладов Джорджа Фридмана, руководителя центра «Стратфор», посвященную его визитам в Турцию, Молдову, Румынию, Украину и Польшу [7], или инициативу «Вышеградская группа» (*Visegrad Group*) [8], предполагающую уже создание объединенных вооруженных сил [9]. *Интермариум* был частью доктрины *Прометеизма* Пилсудского, развиваемой им после Первой мировой войны и предусматривавшей создание геополитического альянса новых независимых стран Восточной Европы, которые ранее были частью Германии, Австро-Венгрии и России. Пилсудский понимал, что без некоторой степени унификации новые государства будут оставаться уязвимыми и незащищенными перед новой агрессией восстановивших после Первой мировой войны свою мощь геополитических центров силы – прежде всего России и Германии. Он надеялся, что *Интермариум* станет новой великой сверхдержавой, в которой Польша будет играть ведущую роль. Для Петерсена новый *Интермариум*, охватывающий не только Восточную Европу, но и Центральную Азию, мог бы остановить реваншизм Москвы или экспансионизм Пекина.

Идеи Петерсена резонируют с подходом, который развивает Джеймс Роджерс (*James Rogers*) в рамках Института исследований проблем безопасности ЕС (*European Union Institute for Security Studies*) [10] и Института Эгмонта (*Egmont Institute*) [11]. Роджерс полагает, что ключевой географической зоной для ЕС в XXI веке является прибрежная зона от Суэцкого канала до Шанхая и, возможно, Сеула, которую автор называет «великой зоной» (*grand area*) ЕС. Здесь, вокруг Индийского океана, где переплетаются интересы сверхдержав, проходят критически важные морские коммуникации, находятся почти все зоны нестабильности, будет разворачиваться геополитическое противоборство XXI века. И если Петерсен сосредотачивается

на континентальной Евразии, то Роджерс считает, что решающая роль принадлежит прибрежной зоне Евразии. Оба подхода при некоторых допущениях смыкаются и дополняют друг друга. Если даже основные точки напряжения находятся в прибрежной зоне Евразии, континентальная размерность не может игнорироваться. Тем более если принять во внимание, что Китай и Индия стараются интегрировать свои прибрежные зоны и континентальные массивы с большими портами на побережье Индийского океана, создавая сеть железных и автомобильных дорог, энергетических коммуникаций и трубопроводов, а Россия продолжает оставаться тем центром силы, которая контролирует геополитическое сердце Евразии.

О критической важности Индийского океана в геополитическом противоборстве XXI века говорится и в получившей широкую известность монографии Роберта Каплана (*Robert D. Kaplan*) «Мансун: Индийский океан и будущее американской мощи» [12]. Автор строит проекцию Большой игры из не совсем привычной для классического геополитического анализа точки, которую можно связать с островом Диего-Гарсия. Как следствие, общая картина, процессы и конфликты, разворачивающиеся в Евразии, приобретают несколько другой смысл. Основные геополитические напряжения начала XXI века оказываются связаны с отношениями между Индией и Китаем. Автор считает, что в интересах США придать формату G2 не только экономическое, но глобальное военно-морское измерение, когда военно-морская мощь США становится тем фактором, который позволяет «удержать баланс» на Индийском и Тихом океанах. В рамках данной проекции процессы на огибающей Евразию дуге нестабильности – войны в Афганистане, Ираке (а теперь постфактум и «арабская весна») – призваны воспрепятствовать рывку азиатских гигантов к евразийским энергетическим ресурсам. Дуга становится эффективным механизмом контроля процессов на евразийском пространстве, опираясь на которую можно проецировать мощь как вглубь Евразии – на Россию, так и на новые геополитические центры – Китай и Индию, а также на региональные центры силы – Иран и Турцию. Проецирование мощи происходит не в привычной для континентального мышления форме активных наступательных действий, но через контроль, поддержание и «эксплуатацию» баланса между геополитическими и региональными центрами силы¹.

¹ Кратко о морском и континентальном мышлении и геостратегии см., например, [15]

Выводы

Новая внешнеполитическая доктрина позволяет говорить, что США достигли кульминационной точки, исчерпав ресурсы для экспансивной политики последних десятилетий. Авторы проекта предлагают закрепиться на достигнутых рубежах и заняться восстановлением потенциала страны, отступив по ряду направлений, в частности, свернув военное присутствие в Афганистане. Наличие достаточных ресурсов в предыдущие десятилетия позволяло США проводить расточительную стратегию, которая в новых условиях становится невозможной. На первый взгляд такое поведение может рассматриваться как геополитическое отступление, однако уже высказанная в адрес доктрины критика если и позволяет говорить об «отступлении», то только в тактическом плане. Более того, данный шаг становится эффективным средством нейтрализации активности других геополитических центров.

Отвод военного контингента НАТО из Афганистана приведет к возникновению геополитического вакуума и вызова, отклик на который должны будут сформировать другие геополитические и региональные центры силы. Вакуум должен быть или заполнен, или надежно изолирован через создание санитарного кордона, что неизбежно приведет к активизации противоборства между Китаем, Индией и Россией. О необходимости ухода из Афганистана говорил Збигнев Бжезинский¹ [13]. Недавно в пользу данного сценария высказался и Генри Киссинджер, предложивший передать Афганистан «на попечение» сопредельным странам и ШОС [14].

Активное геополитическое соперничество за «освободившийся» Афганистан неизбежно ослабит центры силы. Как пишет Томас Барнетт (*Thomas P. M. Barnett*) в статье «Новые правила: Новый мировой порядок – следующее поколение» [16], история показывает, что соперничество между геополитическими центрами силы приводит к их взаимному ослаблению и, в конечном счете, сходу с исторической сцены. Он приводит пример Великобритании, Японии, Германии и СССР в XX веке. В XXI веке автор говорит о двух сценариях – противостояние между США и Китаем или Индией и Китаем. Уход НАТО из Афганистана снижает вероятность открытого противо-

¹ Видео-интервью можно посмотреть на сайте TheRealNews.com.

“The Afghan war and the 'Grand Chessboard' Pt.1”, 15 August 2011.

http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=4695

“The Afghan war and the 'Grand Chessboard' Pt.2”, 15 August 2011.

http://therealnews.com/t2/index.php?Itemid=74&id=31&jumival=4716&option=com_content&task=view.

борства между США и Китаем. В Афганистане начнет аккумулироваться разрушительный потенциал, который рано или поздно найдет выход и прорвет «слабое звено», каковым, вероятнее всего, станет северное направление. Обуздание расплзающегося по Евразии хаоса в долгосрочной перспективе потребует от евразийских центров силы не меньших ресурсов, нежели открытое геополитическое противостояние с Западом.

В складывающихся условиях отдельной и критически важной проблемой, которая требует отдельного дискурса, становится Кавказ. Сворачивание военного присутствия НАТО в Афганистане сделает коммуникационные маршруты северной распределительной сети, проходящие по территории Турции и Азербайджана не такими критичными. Сегодня они играют роль дополнительного сдерживающего фактора, обеспечивающего стабильность в регионе. Однако гораздо более серьезным является другой вопрос: остаются ли США и Запад в целом на Кавказе или геополитическая активность будет свернута и на данном плацдарме? Понимание и выявление возможных сценариев развития ситуации следует признать критически важным для армянской государственности.

Если Запад удерживает развернутый на Кавказе плацдарм, уход из Афганистана превратит его в важный форпост Запада, для чего имеются цивилизационные, культурные и прочие предпосылки. Кавказ может стать площадкой, на которой Запад аккумулирует необходимый потенциал для «возвращения» вглубь Евразии. Причем ресурсы, требующиеся для поддержания «кавказского плацдарма», несопоставимы с затратами по обеспечению афганского. Сценарий ухода Запада с Кавказа вынудит геополитические и региональные центры силы – Россию, Турцию и Иран – заполнять вакуум, неизбежно вступающая в противоборство. Учитывая критическую важность данного сценария, он требует пристального к себе внимания. Возможно ли в этом случае появление в регионе новых альянсов и очередной сговор, уже в XXI веке, между Россией и Турцией? Обладает ли Иран XXI века достаточным потенциалом и возможностями, чтобы воспрепятствовать такому альянсу? Насколько вероятно создание союза между Ираном и Турцией, которые имеют как общие интересы, так и противоречия не только на Кавказе? Возможно ли создание «триумvirата» – «кавказского концерта», с участием России, Турции и Ирана, берущего коллективную ответственность за регион на себя?

И основной вопрос: какова должна быть политика и стратегия армянских государств при возможных изменениях геополитического ландшафта? Армянская государственность стоит перед необходимостью тонкой, стремительной и то же время жесткой политики и стратегии, когда необходимость просчета всех возможных сценариев и геополитических партий, свойственных миру шахмат, дополняется способностью и готовностью к быстрым и жестким шагам. Умелое и своевременное использование потенциала Армянства в условиях временного цейтнота предоставит шансы выстоять и укрепить свои позиции в разворачивающемся противоборстве на геополитической арене и ожидающихся изменениях геополитического ландшафта.

Сентябрь, 2011г.

Источники и литература

1. *Haass R.N.*, Bringing Our Foreign Policy Home. Time Magazine, August 8, 2011. 15 August 2011. <http://www.cfr.org/us-strategy-and-politics/bringing-our-foreign-policy-home/p25514>.
2. *Ferguson A.*, Crazy U: One Dad's Crash Course in Getting His Kid Into College. NY: Simon & Schuster, March 1, 2011.
3. *Rumsfeld D.*, The Peril of Deep Defense Cuts. Wall Street Journal, June 30, 2011. 15 August 2011. <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304584004576416271311589238.html>.
4. *Singh M.*, Restoration' is not an option; why America can't afford to lead from behind. Foreign Policy Magazine, July 26, 2011. 15 August 2011. http://shadow.foreignpolicy.com/posts/2011/07/26/restoration_is_not_an_option_why_america_cant_afford_to_lead_from_behind.
5. *Mockaitis T.R.*, The Iraq War: Learning from the Past, Adapting to the Present, and Planning for the Future. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, February 2007, p. 52. 15 August 2011. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub754.pdf>.
6. *Petersen A.*, The World Island: Eurasian geopolitics and the fate of the West. Santa Barbara, CA: Praeger Security International, c2011.
7. *Friedman G.*, Special Series: Geopolitical Journey, STRATFOR, 2010. 15 August 2011. http://www.stratfor.com/theme/special_series_geopolitical_journey_george_friedman.
8. "The Visegrad Group: Central Europe's Bloc," STRATFOR, February 5, 2011. 15 August 2011. <http://www.stratfor.com/memberships/183216/analysis/20110204-visegrad-group-central-europes-bloc>.

9. *Friedman G.*, Visegrad: A New European Military Force. STRATFOR, May 17, 2011. 15 August 2011. <http://www.stratfor.com/weekly/20110516-visegrad-new-european-military-force>.
10. *Rogers J.*, From Suez to Shanghai: the European Union and Eurasian maritime security. Occasional Papers 77, European Union Institute for Security Studies, March 2009. 15 August 2011. <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/op77.pdf>.
11. *Rogers J.*, A New Geography of European Power? Egmont Paper 42, Egmont - The Royal Institute for International Relations, Brussels, Belgium: Academia Press, January 2011. 15 August 2011. <http://www.egmontinstitute.be/paperegm/ep42.pdf>.
12. *Kaplan R.D.*, *Mansoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. NY: Random House, 2010.
13. *Jay P.*, The Afghan War and 'The Grand Chessboard' (interview with Zbigniew Brzezinski by TheRealNews.com). The ACTivist magazine, January 13, 2010. 15 August 2011. http://www.activistmagazine.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1110&Itemid=143.
14. *Kissinger H.A.*, How to exit Afghanistan without creating wider conflict. The Washington Post, June 8, 2011. 15 August 2011. <http://www.washingtonpost.com/opinions/how-to-exit-afghanistan-without-creating-wider-conflict/2011/06/06/AG9ydPLH_story.html>.
15. *Арзуманян Р.*, Теория и принципы сетецентричных войн и операций. Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», №2(8), 2008, сс. 66-127. 15 August 2011. <http://noravank.am/file/article/361_ru.pdf>ю.
16. *Barnett T.P.*, The New Rules: The New World Order-After-Next. *World Politics Review*, 25 July, 2011. 15 August 2011. <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9568/the-new-rules-the-new-world-order-after-next>.

SECURE ENVIRONMENT OF THE 21ST CENTURY AND OUTLINES OF THE FOREIGN POLICY DOCTRINE OF THE US

Hrachya Arzumanyan

Resume

Taking as a ground classic geopolitical doctrines and theories, the West is elaborating new projects, designed to formulate geopolitical goals of the US and EU in Eurasia. Under the circumstances formed, the Caucasus, policy and strategy of the Armenian states in a case of possible changes of geopolitical landscape become topical and crucial issues which demand separate discourse.

What should the policy and strategy of the Armenian states be in case of the changes of the geopolitical landscape? The Armenian statehood needs clarification of its geopolitical functions and it demands delicate, swift and at the same time tough policy and strategy when the necessity of checking all the possible scenarios and geopolitical games is supplemented by capability and readiness for rapid even military steps. Skillful and timely usage of the potential of the Armeniacy under the temporary time trouble will grant all the chances to withstand and consolidate its positions in the struggle taking place on geopolitical arena and expected changes of the geopolitical landscape.